

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 9-го мая 1904 года.

Страна Восходящаго Солнца.

Исторія первых вѣковъ существованія японскаго государства носитъ легендарный характеръ и дѣйствительные факты почти невозможно выдѣлить изъ массы запутанныхъ мифологическихъ наслоевъ. Однако, есть полная возможность предполагать, что японскій народъ, со времени своего водворенія на островахъ, почти не сѣмивался съ другими національностями и самостоятельно развивалъ свою культуру.

Первый, очень мало еще изслѣдованный періодъ японской исторіи, простирается приблизительно отъ III вѣка нашей эры до конца XII вѣка. Съ вѣшной стороны—это эпоха господства самодержавнаго микадо, съ внутренней—время первобытно патріархальнаго строя.

Въ X—XI вѣкахъ началась подготовка къ слѣдующему, феодальному періоду. Параллельно съ этимъ измѣненіемъ жизненнаго строя власть микадо утрачивала характеръ перваго полководца страны и получала значеніе только духовнаго главы государства, между тѣмъ какъ фактическую власть все болѣе захватывали въ свои руки феодальные князья.

Къ началу феодальнаго періода мы видимъ Японію раздѣленною на девять большихъ провинцій, каждая изъ нихъ, въ свою очередь, распадалась на нѣсколько мелкихъ округовъ.

На феодальной почвѣ вмѣсто прежней власти микадо выросла новая верховная власть—сіюгу-

Сіюгуны избрали своей резиденціей Іеддо (впослѣдствіи Токио), микадо остался въ древнемъ Киото. Тамъ онъ жилъ вѣчными затворникомъ, не имѣя никакого представленія о своей собственной странѣ, не видя никого, кромѣ жень и придворныхъ, окруженный рабскими, но болѣе безопасными, чѣмъ самый послѣдній изъ его подданныхъ.

Существовая вначалѣ просто на основаніи обычнаго права, сіюгуны были легализированы въ XVI столѣтіи, какъ политическій институтъ.

минувшаго столѣтія, носили еще колчаны со стрѣлами, сѣкиры и кремневая пиццала, а ея народъ зналъ объ остальномъ мірѣ столько же, сколько мы объ обитателяхъ Юпитера.

Тѣмъ не менѣе Японія не могла отгородиться каменной стѣной, какъ это сдѣлалъ Китай. Условія ея существованія совершенно не соотвѣтствовали условіямъ существованія Поднебесной Имперіи и неминуемый переворотъ долженъ былъ развиться съ тѣмъ болѣею силой, чѣмъ искусственнѣе онъ задерживался. Географическое положеніе Японіи, подвижный и предпримчивый характеръ ея населенія, необходимость влить наружу запасъ скопившейся энергіи—все это толкало ее прочь съ пути, предначертаннаго сіюгунами, и многовѣковая власть ихъ была низвергнута, а вмѣстѣ съ ихъ смертью народилась молодая, современная Японія.

Нѣтъ никакого основанія приписывать революцію 1868 года единоличному вліянію нинѣи царствующаго императора—Муцсу-Хито. Какъ бы ни былъ онъ талантливъ и энергиченъ, въ положеніи безвольнаго затворника онъ не могъ развить въ себѣ элементовъ, необходимыхъ для каждаго общественнаго дѣятеля. Переворотъ должна была создать группа лицъ, знающихъ свою страну и знакомыхъ основательно съ положеніемъ дѣла на западѣ. И только подъ вліяніемъ этой группы императоръ могъ принять и провести реформа, разъ навсегда порвавшія съ феодальной стариной.

Сіюгуны были низвергнуты. Послѣдній владетель изъ рода Токугавъ живъ и до сихъ поръ

Японскіе крестьяне.

Первые европейскіе путешественники, посѣтившіе Японію, не имѣли правильнаго представленія о характерѣ сіюгуна и просто полагали, что въ Японіи существуютъ два верховныхъ правителя: одинъ свѣтскій, другой духовный.

Родъ Токугавъ сдѣлалъ изъ своей резиденціи, Іеддо, богатый и хорошо укрѣпленный городъ. Остальные владѣтельные князья, дайміосы, въ знакъ своей покорности должны были проводить шесть мѣсяцевъ въ году въ столицѣ сіюгуна, а остальное время года тамъ проживали, въ качествѣ заложниковъ, ихъ жень и дѣти.

Каждый изъ дайміосовъ имѣлъ при себѣ военную свиту, такъ называемыхъ самураевъ, обязанныхъ защищать честь и личное достоинствіе ихъ господина. Эти дайміосы и самуранъ представляли собою военно-дворянское сословіе Японіи, рѣзко отграниченное отъ низшихъ, земледѣльческихъ слоевъ населенія. Не смотря на полную зависимость отъ сіюгуна, доходы большаго дайміосовъ были очень велики, а дворцы нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ представляютъ великолѣпные образцы древняго творчества.

Въ отношеніи вѣшной политики Японіи, до самаго послѣдняго времени, предшествовашаго великой японской революціи, придерживалась политики своего единокроннаго сосѣда—Китаю. Она упорно старалась изолировать отъ всякихъ вѣншихъ вторженій и европейцамъ только съ величайшимъ трудомъ удалось добиться самыхъ ограниченныхъ торговыхъ правъ. Въ то время, какъ въ Европѣ открытія новѣйшей науки произвели полный экономическій переворотъ, навсегда оторвавшій ее отъ средневѣковыхъ пережитковъ, Японія косяла еще въ тискахъ своего феодальнаго строя, чуждая всякаго новыя пріобрѣтенія челоѣческаго разума. Ея самуранъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ

Храмовыя ворота въ Никко.

и жить въ маленькомъ городкѣ, въ глуши Японіи, не привлекая ничьего вниманія и давно забытый народомъ, который когда-то трепеталъ передъ однимъ его именемъ.

Микадо опять взялъ въ свои руки свѣтскую власть и перенесъ свою резиденцію изъ древняго Киото, гдѣ все такъ напоминало прежній укладъ, въ болѣе подвижный Іеддо, вскорѣ послѣ того переименованный въ Токио. Дворцы дайміосовъ были срыты, а сами они утратили свои привилегіи, принужденные смириться передъ новыми требованіями жизни. И они сдѣлались почти безъ борьбы, а многие изъ нихъ сдѣлались видными представителями прогрессивнаго теченія.

Ломка старинны и насажденіе новой, европейской культуры началась съ лихорадочною поспѣшностью. Началась ея религіи и кончалъ войскомъ, все вошло въ кругъ реформъ. Для войска были выписаны нѣмецкія инструкторы; вмѣсто старыхъ, никогда не годившихъ дюжонъ выросты броненосцы; китайскій классицизмъ уступилъ мѣсто обѣдосной современной наукѣ.

4 ноября 1873 года народъ получилъ конституцію, переработанную и расширенную 11 февраля 1889 года. По этой послѣдней кон-

Іебиссо, предместье Осаки.

натъ. Эту власть поставилъ на твердую почву родъ Токугавъ, изъ котораго вышли всѣ послѣдніе, наиболѣе могущественные сіюгуны.

Другіе феодальные князья постепенно уступили передъ централизаторскими стремленіями сіюгуновъ, не сумѣвъ во время объединенія и не имѣя, поэтому, того, чѣмъ въ совершенствѣ обладали сіюгуны,—превосходства грубой вооруженной силы. Дѣло не обошлось, конечно, безъ долгой и упорной борьбы. То здѣсь, то тамъ поднималось знамя возбужденія и сепаратизма, но вспяшки эти подавлялись одна за другой желѣзною рукою могуществѣннѣшаго феодальнаго князя—сіюгуна—и влетали только новые лавры въ его вѣнокъ побѣдоснаго воеводы.

Исконный владетель страны, микадо, оставивъ въ сторонѣ отъ этихъ смутъ. Сіюгуны оставили ему вѣншій царственный блескъ, но сдѣлали безотвѣтной куклой, не имѣющей никакого вліянія на ходъ политическихъ событий. Великіе „тенно“ не были даже властелинами въ собственномъ дворцѣ. Сіюгуны назначали и свергали ихъ по собственному усмотрѣнію, не стѣсняясь удалять со своей дороги тѣхъ микадо, которые почему либо не соотвѣтствовали своему назначенію играть роль простой фикции.

ституции японской парламент состоит из верхней палаты пэров, к которой принадлежат все мужские члены императорской фамилии, все принцы и маркизы старше 25 лет и атэма — пятая часть всех, имеющих свыше 25 лет графов, виконтов и баронов. Нижняя палата выборных представителей состоит из трехсот депутатов, имеющих не менее тридцати лет от роду и избираемых на четыре года, причем в голосовании принимают участие все мужчины, не моложе 25 лет, платящие налоги в казну в сумме не менее 10 иен. Женщины никакими политическими правами не пользуются.

Замок даймюса в Кумамото.

Современные принцы, графы, маркизы, бароны и виконты Японской империи — ничто иное, как прежние даймюсы, получившие эти титулы в награду за утерянную волюнты.

В 1871 году прежние провинции были уничтожены и вместо них введены департаменты, на манер французских.

Дети даймюсов и самураев, переодетые в европейское платье, поехали в Европу — учиться. Они сознавали, что для процветания страны далеко недостаточно пушек и броненосцев и с рвением принялись за учебники. *Здесь, как и прежде, мы привыкли воспринимать с совершенно новыми методами, новыми приемами. Толстые томы китайских классиков, на которых выросло столько поколений, пришлось забросить.*

Тринадцать лет тому назад в Японии насчитывалось уже 25369 народных школ с 69586 преподавателями и 3.674.694 учащимися. С того времени число это, конечно, возросло — в 1901 году было 28404 школы с 4.030.973 учащимися. Посещение начальных школ — обязательно, но пока еще далеко не все дети посещают школу, а именно 79% мальчиков и 64% девочек. Женское образование поставлено очень плохо. За сорок лет реформы японцы не привыкли еще смотреть на женщину, как на равноправное существо и только в последние годы поднялись громкие голоса в защиту ее прав. Много помогают разработке этого вопроса жены некоторых государственных людей, получивших вполноту европейское образование и освободивших сами себя от чуждой предрассудка.

Высшим учебным заведением является университет в Токио, точно скопированный с европейского шаблона. По данным 1901 года университет этот насчитывал 175 профессоров и немного больше 2000 студентов из которых 308 получили в этом году ученую степень. Среди профессоров попадаются имена, сдлавшие уже самостоятельные шаги на поприще науки.

В объеме японское просвещение стоит еще далеко не на высоте своего назначения, хотя и в этой области, за короткий, сравнительно, срок, достигнуты значительные успехи. Опытная позитивная наука была раньше почти совершенно неизвестна снанаем. Восходящего Солнца, упавшим в дебрих китайской схоластики. Значительной помехой в деле просвещения служит неудобная и сложная японская письменность, — те самые иероглифы, которыми мы любуемся на вѣрках, панно и лаковых шаталдах. Попытка применить латинский алфавит встретила упорное противодействие и если по японски легко научиться говорить, то для того, чтобы выучиться хорошо писать на этом языке нужно потратить слишком уже много времени.

Говоря о просвещении, нельзя не упомянуть и о литературе, служащей истинным мерилом культуры и просвещенности народных масс.

Старинная японская литература совсем не подходит к нашему вкусу. Вот как отзывался о ней Гессе-Вартегг: «Преобладающее большинство японских романов представляет собою не больше, как бабы сказки или разные приключения, могущие заинтересовать только юных читателей».

Лаконичность, но резко выражается англичанин Чамберлен: «В японской литературе отсутствуют гений, идея, логика, глубина, широта и раносторонность».

Мы не знаем, какого мифа был бы ветхозаветный японец о нашей европейской литературе. Может быть, он вынес бы нам еще более строгий приговор, чем это сдлал Чамберлен.

Восточная литература, как по форме, так и по содержанию вообще значительно разнится от западной. Безоначная повторения одного и того же в священных индусских книгах нагоняют зѣвоту на самого не предубежденного читателя и едва ли у кого нибудь из нас хватило терпения одолеть японский роман «Гаккенден», написанный в шести томах.

Не вдаваясь в крайность Чамберлена можно только сказать, что японские литературные приемы совершенно не соответствуют нашим укоренившимся понятиям.

По именам и по числу томов японская литература довольно богата. И на этой почве много потрудились те, кого вообще в Японии

Коргонское ущелье.

обидела судьба, а именно — женщины. Из наиболее популярных писателей сдлаует отметить Бакина, жившего в концѣ XVIII и началѣ XIX вѣков. Бакин оставил послѣ себя 290 произведений, заключенных в несколько сотнях томов.

Самый ранний произведений японской литературы относится к началу VIII вѣка. Почтенный возраст — ее неоспоримое качество. В то время, как в Европѣ бродили нестройные, дикая полчища варваров, Япония имела свою культуру, свою письменность, свою литературу. Но за двенадцать вѣков своего существования литература эта почти не подвинулась вперед, ни по вышшим формам, ни по внутреннему содержанию. Поэтому она и производит на нас такое невыгодное впечатление.

Период лихорадочных реформ во всей своей полноте отразился в литературе. И здесь старья понятия были заброшены, а на их место стали европейской трафарет. При неврайной горючности, с какой совершались все перемены, некогда было очищать чужеземную пшеницу от плесели и европейская литература просто на просто была пресажена на новую почву. Масса переводных книг буквально затопила японский книжный рынок. Наряду с чисто научными произведениями, необходимыми для образовательных целей, переводились романы, повести, драмы, даже стихотворения.

Всегда за переводами явились подражания.

Императорский дворец в Киото.

Старые сюжеты переделывались на новый лад, по новой схеме. Благодаря этому, они утратили прелесть оригинальности и не приобрели никаких особых достоинств. И если старая японская литература могла еще представлять некоторый интерес для Европы, то новая не дает ей пока еще ровно ничего, чем бы она могла воспользоваться.

Это вовсе не значит, что Япония не может выдвинуть действительных талантливых писателей. Они есть теперь, будут и впоследствии. Но пока еще они принуждены подносить своим читателям пищу, которую мы давно уже переварили и использовали. Что японцы в литературе, как и во всем остальном, проявляют способность тонко чувствовать и понимать прекрасное — это доказывает громкий успех, каким пользуются там мировые художники слова, как напр., Лев Толстой. И, несомненно, придет время, когда японцы будут не только брать у всемирной литературы, но и давать ей.

Теперь — несколько слов о периодической прессе.

Первая газета появилась еще в дореформенное время, в 1264 году.

За последующее десятилетие к ней присоединилось еще несколько листов, но все они провалились перепечатками из английских газет, совершенно не были оригинальны и в значительной мере существовали.

В настоящее время периодических изданий насчитывается больше 600. Двадцать ежедневных газет в Токио расходится в количестве 250.000 экземпляров. В том же Токио издается еще около полторы сотни ежедневных и ежемесячных журналов, общий тираж которых простирается до полумиллиона экземпляров.

Роль официозного органа играет «Ничиничи шимбун», что значит в переводе «Новый день известия». Наиболее выдающиеся общественные деятели имеют свои органы, как например «Хотши шимбун», газета графа Окума.

Пользуются еще значительным влиянием провинциальная газета «Коран Шиммо» и либеральная «Тшой шимбун».

Несмотря на громадное распространение печатного слова, работа газетных сотрудников оплачивается плохо и сами они не пользуются особым почетом в обществе. Газеты очень дешевы и читают их все грамотные люди.

Предварительной цензурой нет, но за помешение противоречительных статей редакторы подвергаются ответственности. Поэтому в Японии появились уже подставные редакторы, которые, за маленькое жалованье, соглашаются нести все уголовные кары.

Репортаж всякого рода, занимающий теперь такое крупное место в европейских газетах,

поставить в Японии очень плохо. Пустить утку, изобрести совершенно небывалое происшествие и выдать это изобретение за чистейшую истину—дѣло самое обыкновенное. Однако, отношеніе къ печатному слову дѣлается все серьезнѣе и близко уже время, когда японскія газеты во всѣхъ отношеніяхъ уравниваются съ европейскими. Къ сожалѣнію, это далеко еще нельзя назвать достиженіемъ идеала...

У насъ съ литературой тѣсно связаны театр; въ Японіи и то, и другое до самаго послѣдняго времени существовало совершенно самостоятельно.

Театръ существуетъ со-всѣмъ не такъ давно, какъ можно было-бы ожи-дать, принимая во внимание древность самобыт-ной мѣстной культуры. Театральныя представле-нія, какъ и на западѣ, развились изъ религіоз-ныхъ мистерій, сопровождавшихся пѣніемъ и тан-цами. Слѣдующую ступень представляютъ историче-скія драмы „но“, разыг-ранные при дворахъ знатныхъ даймѣсовъ. Изъ высшихъ аристократиче-скихъ круговъ театръ про-никъ въ народную сферу и сдѣлался теперь любима-ѣйшимъ народнымъ раз-влеченіемъ.

Въ составленіи пьесъ принимаютъ участіе владѣлецъ театра, артисты, суфлеръ и даже публика. Пьеса такого рода не можетъ, конечно, отличаться особеннымъ единствомъ содержанія, но за то ее очень легко можно измѣ-нить и дополнить.

рое и новое, порваны и пропасть между этими двумя началами дѣлается все глубже.

Японская литература можетъ не сдѣлаться вполне европейской, но и не останется уже и чисто-японской.

Н. С.—ъ.

Коргонскіе ущелья.

Коргонъ, лѣвый притокъ Чарыша, одна изъ красивѣйшихъ рѣкъ западнаго Алтая. Его ве-

поминаются 1) круглая ваза, сработанная въ 1811 г., 2 арш. 12 вершк. въ диаметрѣ (дѣиою 12971 р.); 2) квадратная ваза 1 арш. 4 вер. въ поперечникѣ, бывшая на Лондонской всемир-ной выставкѣ въ 1851 г.; 3) ваза, выставленная на второй Лондонской выставкѣ въ 1862 г.; 4) ваза, отправленная на выставку въ Вѣнѣ въ 1873; 5) четыре колонны въ храмѣ Воскресенія Христова въ Петербургѣ; 6) два подсвѣчника въ часовнѣ у Лѣтняго сада въ Петербургѣ. Многія издѣлія изъ коргонскихъ яшмъ укра-шаютъ дворцы владѣтельныхъ особъ и палаты вы-сокопоставленныхъ лицъ.

Названія коргонскихъ камней яшмами держались до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія т. е. до путешествія въ Алтай нѣмецкаго геолога Бер-гарда Котты. Вывезенные нѣмецкимъ путешествен-никомъ образцы коргон-скихъ камней были переданы ученому Альфреду Штудлицеру для микро-скопическаго анализа, который тогда только что входилъ въ практику при изученіи горныхъ породъ. Микроскопъ показалъ, что коргонскія яшмы вовсе не яшмы, а фельдшпатовые порфиры, такъ что старыя имена пришлось замѣнить новыми: вмѣсто сѣрофіо-летовая яшма и вариолитовая яшма стали гово-рить: сѣрофіолетовый порфиръ и вариолитовый порфиръ.

Процедура микроско-пическаго анализа такая. Прежде всего задача из-слѣдователя заключается въ томъ, чтобы отшлифо-

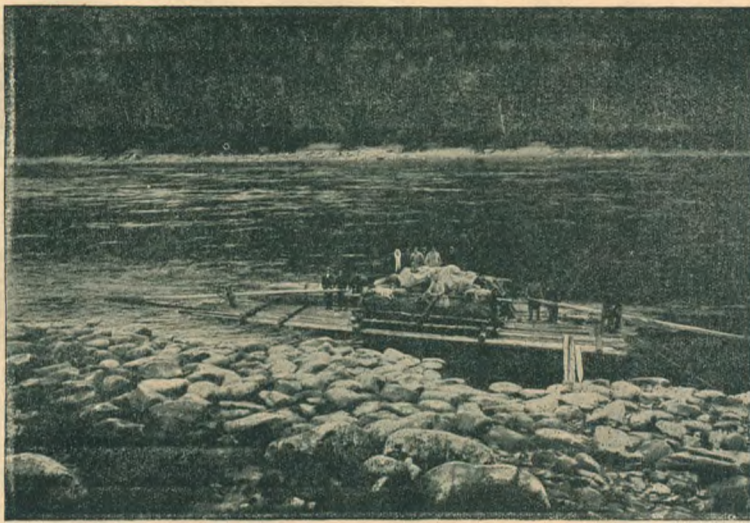

Рис 4. Плоть для сплава по Енисею.

ликофильная, зеленая, про-зрачная какъ хрусталь вода и замѣчательно живописная долина всегда служатъ пред-метомъ восхищенія всѣхъ путешественниковъ. У насъ сфотографировано самое краси-вое мѣсто этой долины, гдѣ рѣка сильно стѣсняется высокими порфирывыми уте-сами „щеками“, какъ гово-рятъ на Алтай. Съ берега на берегъ переброшены такъ называемыя „лавы“ т. е. мостъ, состоящій изъ двухъ, трехъ связанныхъ по сре-динѣ, дѣлится и сильно ба-лансирующей подъ ногами. Налѣво видна порфировая „рознь“, направо намѣ-чается верховая тропинка, которая, благодаря непри-ступности утесовъ, идетъ то по тому, то по другому бе-

регу рѣки. Коргонская долина охотно посѣщается любителями красоты природы и даже тѣмъ, кто бывалъ тамъ не разъ, никогда не откажется, если представится случай, посѣтить еще это роскошное ущелье.

О. Гемблеръ.

Коргонскія каменоломни.

Долина Коргона известна своими каменоло-мнями такъ называемыхъ коргонскихъ яшмъ. Ка-меноломни находятся въ десяти верстахъ отъ впаденія рѣки Коргона въ Чарышъ, на высотѣ 2650 ф. надъ уровнемъ моря, въ томъ мѣстѣ коргонской долины, имѣющей всего 60 верстъ длины, гдѣ кончается ея нижняя болѣе рас-ширенная часть и начинается верхняя, имѣю-щая видъ узкаго ущелья.

Коргонскія каменоломни были открыты въ 1786 г. Мѣстные техники издавна различали между коргонскими породами красный порфиръ и яшмы кофейную, темнофіолетовую, свѣтло-фіолетовую и вариолитовую или копейчатую. Самую красивую изъ нихъ считаютъ темную сѣрофіолетовую. Изъ подлѣсокъ изъ этой яшмы въ лѣтописи Кольванской шлифовальной фабрики

вать изъ камня такую тонкую пластинку, чтобы она была прозрачна, послѣ чего только и можно ее разсматривать подъ микроскопомъ. Для того, чтобы получить такую пластинку, берутъ обломокъ камня величиной съ крупный лещинный орѣхъ и приставляютъ къ поверхности вращающагося шлифовальнаго камня; треніемъ снимается гѣлый бокъ обломка, въ рукахъ остается только половина его. На обломкѣ получается отшлифованная поверхность, диаметръ которой равняется диаметру обломка. Затѣмъ этой отшлифованной поверхностью обломокъ посредствомъ копейскаго бальзама прикрѣпляется къ одному изъ такъ называемыхъ предметныхъ стеклышекъ, какіе употребляются при микроскопахъ. Когда бальзамъ остынетъ, когда убѣдится, что камешекъ прочно сидитъ на стеклышкѣ, его снова приставляютъ къ вращающемуся шлифовальному камню, держа такъ, чтобы стеклышко было параллельно поверхности шлифовальнаго камня и этимъ продолженіемъ шлифованія снимаютъ другой бокъ камешка до тѣхъ поръ, пока на стеклышкѣ не останется самый тонкій слой камня въ четыре или пять сотыхъ миллиметра толщиной. Получается тонкая пластинка, пропускающая свѣтъ. Если положить ее подъ микроскопъ, то можно будетъ видѣть мельчайшіе кристаллики въ составѣ камня, кото-

Рис 5. Долина р. Уса

Рис 6. Скалы близъ устья Золотой.

Между артистами встрѣчаются безусловно крупныя драматическія таланты. Женщины начали допускать на сцену только въ самое послѣднее время: да и то далеко не во всѣхъ театрахъ. Представленія продолжаются почти цѣлый день, съ утра до вечера, а самые театры, за исключеніемъ одного, самаго новаго, далеко не блещутъ обстановкой.

Самыя пьесы, на нашъ взглядъ, мало содержательны и представляютъ собою странную смѣсь фантазіи и грубого реализма. На сценѣ отрубаютъ головы, распарываютъ животы, причѣмъ кровь льетъ ручьемъ и даже... разрѣшаются отъ бремени. Чѣмъ больше крови и убійствъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ драма на публику, причѣмъ, однако, добродѣтель всегда удастанивается, въ послѣднемъ актѣ, похваляя и награждая, а пороки—заслуженной кары.

Теперь уже появляются новыя пьесы, написанныя однимъ лицомъ на европейскій ладъ и по европейски разыгрываемыя. Онѣ находятъ себѣ поклонниковъ среди прогрессивной партіи, но консерваторы обеспокоены медленнымъ умираніемъ стараго, роднаго искусства и пускаютъ въ ходъ всѣ возможныя мѣры, чтобы оно не умерло совсѣмъ.

Нечего и говорить, что эти попытки едва ли увѣчаются успѣхомъ. Нити, связывающія ста-

ры простому глазу недоступны. Некоторые минералы в состав горной породы иногда входят такими мелкими кристаллами, что присутствие их никаким другим средством не может быть открыто, кроме микроскопического анализа. Порфиром называется порода, в массе или тьме которой, состоящей из мелких кристаллов, разсыпаны более или менее крупные кристаллы, легко отличающиеся от остальной массы своим цветом. Коргонские камни не имеют этого порфироподобного строения; простой глаз не видит в них отдельных крупных кристаллов, разсыпанных в массе, да и сама масса состоит из таких микроскопических мелких зерен, что кажется однородною, поэтому они и были ошибочно приняты сначала за яшму и только микроскопический анализ открыл, что это сложная порода, состоящая из многих минералов. Чтобы показать читателю до какой степени другую картину представляет одна и та же порода, рассматриваемая в штудий простыми глазами и в шлифованной пластинке под микроскопом, мы помещаем здесь переносимый из книги путешественника Котты; вы видите два рисунка, которые оба относятся к коргонскому вариолитовому порфиру; один из них представляет отшлифованную поверхность четвероугольной плитки порфира; перед вами картина, которую порода представляет невостроенному глазу. Другой рисунок изображает тот же вариолитовый порфир под микроскопом; тут вы различаете кристаллы разных минералов, которые входят в состав породы.

Микроскопический анализ раскрывает не только внутреннее строение камня, но и посвящает в его историю. Под микроскопом вы видите кристаллы в искаженном виде, они иногда расколоты, раздроблены, изъедены, пронизаны или прободены другими кристаллами; части кристалла сдвинуты; замечаются следы плавления; словом картина дает вам понять, что в камне происходили какие-то процессы. Ничего этого не видно на полированной поверхности тех ваз из того же порфира, которые сработаны на колыванской фабрике и стоят теперь в богатых хоромах. Полированная поверхность этих ваз теми и ни одной чертой не отражают на себя того расказа, который глаз наблюдателя читает на шлифованной пластинке, лежащей под микроскопом.

Тургенев описывает, как сухой валун окатило водой и его матовая поверхность получила яркую окраску, обнаружилась подробности камня и расказали о тех революциях, которые пережил камень. Микроскопический анализ создает еще более глубокое впечатление; контраст еще сильнее, и поверхность сработанной в Колыани вазы еще иже сравнительно с шлифованной пластинкой. И если на поверхности вазы есть рисунок, то это дипломатическая фраза, имеющая целью скрыть смысл событий и делать историю матовою.

Г. П.—н.

В Усинский край.

4. Вниз по Енисею на плоту.

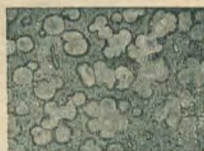
(Продолжение, см. влестр. прилож. к № 88).

Громадным препятствием для развития Усинского края служит отсутствие сколько нибудь удобных путей сообщения. Выше мы уже видели, что единственная дорога сюда из миру, это—вьючная тропа через лѣственные хребты Саян на протяжении 180 верст, тогда как в китайскую сторону существует хороший колесный путь не только до русских поселков но и прямо до Улусутая. Вьючная усинская тропа пригодна только лѣтвом; зимой Саяны заваливаются глубокими сѣвгами, и пройти можно только на лыжах. Зимой открывается самый путь по Усу и Енисею на одних и тех же лошадях, с остановками в избушках-зимовках, построенных на берегу рѣки. Весной и осенью, когда в горах лежит снѣг, а по льду пути нѣтъ, сообщенія ровно никакого. Администрация давно уже озабочена продолжением удобного колесного пути, но до сих пор не избрано направление, да кроме того устанавливается высокая стоимость предполагаемого

пути, особенно если принять во внимание слабо развитую промышленность края.

Енисею пользуются также и лѣтом, но, разумеется, для сплавания только въ одном направлении из Усинска или из предѣлов Монголии въ Минусинск. Этим путем сплавляют на плотам соль, барловый дохи и др. товары; здесь же направляется и очередная казенная почта 4—5 разъ въ лѣто, тогда как въ обратном направлении почта идет вьючной усинской тропой. Вислѣдствіи мы дадим детальное описание этого сплавного пути, а пока ограничимся его общей характеристикой, тѣмъ болѣе что для туриста онъ представляет длинную панораму постоянно смѣняющихся красивых ландшафтов.

Изъ самаго Усинска рѣдко бываетъ возможно отправиться прямо на плоту; препятствиемъ являются мелкіе перекаты и особенно заломы, т. е. нагроможденіи плавуаго лѣса, которые перегораживаютъ рѣку. Чаще плотъ сплавляется на устьи р. Теплой—на 18 верстъ ниже. Средній плотъ (рис. 4) составляется изъ 18—20 лѣственныхъ бревенъ, которые соединяются вершинами вѣтвей посредствомъ двухъ поперечныхъ *роногъ*; длина плота достигаетъ 7—8 сажень, на переднемъ концѣ плота, имеющемъ около 4 аршинъ ширины, и на заднемъ, достигающемъ 6 аршинъ, устанавливаются на среднемъ бревнѣ (*матка*) прочная вилло-

Коргонскій вариолитовый порфиръ.

разная стойки (*бабки*) для носовой и кормовой *гребей* (большое навѣсное весло). Въ виду того, что плотъ заливается на порогахъ водою, на среднемъ его, нѣсколько ближе къ кормовому концу, устраивается помостъ (*баллаганъ*) на клѣткѣ изъ тонкихъ бревенъ; на этомъ возвышеніи въ 1½ арш. высоты, крѣпо прибитымъ веревками къ плоту, чтобъ его не снесло, помещается товаръ и имеющиеся пассажиры. Въ скрѣпленіи должны быть вполнѣ надежны. Плотъ приведенныхъ выше размѣровъ выносить нагрузку 300—400 пудовъ, а съ натяжкой и того больше. Въ виду возможности аварий на порогахъ плотъ поручается опытнымъ лодчанамъ, хорошо знающимъ „ходъ“ на порогахъ; въ числѣ лучшихъ лодочниковъ считаются Дм. Ил. Ивановъ—почтарь, Викентій Шумухинъ (Мухитъ)—присыльный лодчанъ, Окей Масловъ, Ник. Фед. Казанцевъ, Степ. Дм. Шепелевъ и др. Къ этому остается прибавить, что для плаванія по верхнему порожистому Енисею никакая иная посудина, кроме плота, не годится; въ лодкахъ можно ѣхать въ тихихъ частяхъ рѣки, но на Большомъ порогѣ—не мыслимо.

Въ послѣдній разъ испробовали прочность скрѣпленій, прижили гребни, у которыхъ встали по три гребца, лодчанъ взобрался повыше на баллаганъ, отвязал чалки, и плотъ, тихо повернувшись носомъ внизъ по теченію, подхватывается теченіемъ и оставляетъ гостеприимные берега Теплой. Подъ плотомъ идеальная чистота горной рѣки, гдѣ на вашихъ глазахъ не торопясь проплываютъ крупные харьозы, причась за подводные камни; крутые склоны поросли густымъ лѣсомъ лиственницъ и кедровъ, среди которыхъ по временамъ выступаютъ обнаженные

обрывистыя скалы. Если въ лѣтнею осень, среди густой зелени хвойныхъ деревьевъ пострѣютъ золотисто-желтыя березы, красная рябина, пурпурный *сортусъ*,—вѣ багрястъ и золото!—однѣя природа! Просвиститъ рябчикъ, щелкнетъ зубами бѣлка на прибрежномъ деревѣ, про шумитъ струя воды съ Каменнаго плеча, и опять все тихо, а плотъ не торопясь унесется все дальше по тѣсному извилистому ущелью Уса (рис. 5). Спокойные плесы смѣняются перекатами, которые издалека обозначаются сливкомъ воды и вербкомъ сопровождаются пѣнистыми бурнами. На перекатахъ плотъ получаетъ замѣнный толчекъ и въ слѣдующемъ спокойномъ „удловѣ“ идетъ быстрый, бурная вода. Сохранение инерціи можно объяснить то интересное обстоятельство, что плотъ вообще идетъ *скорѣе теченія*; въ этомъ въ легко убѣждаетесь, если выкинете съ плота легкую щепку; она ясно отстаетъ отъ плота и скоро совсѣмъ исчезаетъ позади.

Рѣка, вообще имѣющая до 30 сажень ширины, то сжимается подступающими скалами, то расширяется между болѣе низкими берегами; въ расширеніяхъ она иногда разбивается на два протока съ „осередышемъ“ изъ гальки посрединѣ, и въ этихъ случаяхъ нужно хорошо знать, которымъ изъ рукавовъ можно идти, чтобы не посадить плота.

Версть около 20 отъ Теплой, передъ устьемъ лѣваго притока—*Золотой* рѣка дѣлаетъ двойной крутой поворотъ въ формѣ буквы S; здѣсь течение ускоряется, и есть одинъ опасный моментъ, когда въ крутомъ поворотѣ плотъ стремительно несется на выступающія скалы праваго берега (рис. 6). Но при умѣлой командѣ греблей плотъ проносится среди шума воды вилотъ у скалъ и выходитъ въ покойное удлово. Рѣчка Золотая приноситъ совершенно грязную воду, и съ этого момента Усь утрачиваетъ свою дѣвственную чистоту; золото и въ природу вноситъ свой грязный осадокъ.

Прошли правый притокъ *Кожуралку* и лѣвый—*Итану* и черезъ часть плаванія отъ Золотой вы проходите *Стрѣловскій* порогъ. Здѣсь у поворота рѣка замѣтно суживается и среди крупныхъ прибрежныхъ камней образуется крутой сливъ съ пѣнистыми бурнами. Порогъ при умѣломъ ходѣ не представляетъ никакой опасности, только развѣ плотъ паранетъ разъ другой о подводные камни, но за то получается запасъ инерціи для дальнѣйшаго хода. Ниже порога на лѣвостомъ плотищѣ приоткрылись нѣсколько остроконечныхъ юртъ съостовъ-пастуховъ, и безмолвіе рѣки временно нарушается собачьимъ лаемъ.

Гораздо серьезнѣе второй порогъ—*Ашанскій* лѣвъ устья лѣваго притока—Ашпанъ. Тѣсное русло порога, справа заваленное крупными камнями, замѣняется бурнами и водоворотами, среди которыхъ плотъ быстро проходитъ въ спокойное удлово. Ашанскій порогъ при низкой водѣ считается самымъ значительнымъ препятствиемъ на Усу, но при средней водѣ почти всегда минуетъ безъ аварий.

Ниже порога течение остается вообще покойнымъ, берега не такъ обрывисты, часто падаютъ плотница, а на правомъ берегу протянулись подъ скалами высокія террасы изъ конгломерата; хотя слѣдуетъ упомянуть, что противъ нижняго теченія Уса съ южной стороны пограничная складка Саянскаго хребта достигаетъ наибольшаго возвышенія; вершина *Аштанъ* выходитъ изъ области лѣса и, вѣроятно, по высотѣ одинакова съ Арданскимъ хребтомъ.

За нѣсколько верстъ до устья теченія Уса, подпертое Енисею, дѣлается очень медленнымъ, и нужно умѣло выбрать струю, чтобы подвигаться впередъ. Наконецъ, черезъ 9 часовъ плаванія отъ р. Теплой вы выходите въ Енисей и пристааете на ночевку къ правому низкому берегу, гдѣ приоткрылся небольшой поселокъ—*Усть-Уса*. Здѣсь же обычно останавливаются и плоты, идущіе съ пушной ой Монголии, для того чтобы подвергнуть товаръ дезинфекціи и получить соответственное удостовѣреніе, безъ котораго плотъ не пропустятъ на нижнемъ кордонѣ передъ лер. Означенной.

Отъ Теплой до Усть-Уса полагаютъ 63 версты; принимая во вниманіе, что это пространство пройдено въ 9 часовъ, мы имѣемъ среднюю скорость плаванія—7 верстъ въ часъ.

В. Сапожниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина.

Дозволено цензурою. Томскъ, 7-го мая 1904 года